

*Кудрявцева Тамара Викторовна
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва*

**К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ ПЕРВЫХ
ПОСЛЕВОЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА
В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности восприятия творчества А. Дёблина в Германии в первые послевоенные годы. Анализ проводится на основе историко-контекстуального подхода, с учетом сложившейся политической ситуации после капитуляции Германии, культурной политики, проводившейся в западной и восточной зонах оккупации, с точки зрения формировавшейся структуры литературного ландшафта, специфики и тенденций развертывания литературного процесса.*

***Ключевые слова.** Германия, А. Дёблин, послевоенная литература, эдичионная практика, литературный ландшафт, культурная политика.*

***Abstract.** The article examines the peculiarities of A. Deblin's work perception in Germany in the first post-war years. The analysis is carried out on the basis of a historical-contextual approach. The current political situation after the German surrender, the cultural policy pursued in the western and eastern zones of occupation have been taken into account. Attention was paid to the emerging structure of the literary landscape, the specifics and trends of the literary process.*

***Keywords.** Germany, A. Döblin, post-war literature, publishing practice, literary landscape, cultural policy.*

Главным конституирующим признаком немецкой послевоенной литературы явилась ее унаследованная от эпохи Третьего рейха расчлененность по политико-идеологическим признакам, усилившаяся после 1945 г. конфронтацией внутренних и внешних эмигрантов и наложившимся на нее конфликтом поколений. Все вместе взятое, а также проводившийся оккупационными властями курс на разделение общего культурного пространства послевоенной Германии, не могло не отразиться на дифференциации пространства художественного. Одни, (Б. Брехт, А. Зегерс, И.-Р. Бехер, А. Цвейг, С. Херmlin) были заняты в основном осмыслением

и обличением нацистского прошлого, другие – его забвением (Х. Каросса, Ф. Тисс и др.), преодолением (М. Л. Кашниц и др.), третьи – обращались к насущным проблемам послевоенного времени (В. Борхерт, А. Андерш, В. Шнурре и др.). Однако в лучших произведениях той эпохи читателю предлагалось задуматься над всем комплексом вопросов, вставших во весь рост перед немецким народом после пережитой катастрофы (Т. Манн, А. Дёблин и др.).

Как отмечал в свое время И. М. Фрадкин [1, с. 29], было бы логично предположить, что наиболее востребованными обществом окажутся произведения писателей, покинувших Третий рейх по политическим, идеологическим, этническим и другим причинам (Т. Манн, Г. Манн, Л. Фейхтвангер, А. Дёблин, Н. Закс и др.). Однако отчасти это оказалось явью лишь на востоке страны. Несмотря на то, что именно писатели, находившиеся в изгнании, наиболее решительно отстаивали идеалы демократии и гуманизма, что отвечало задачам возрождения Германии после поражения во Второй мировой войне, и хотя именно язык и стиль их произведений оказался не затронут идеологическими штампами нацистского рейха и, казалось бы, мог послужить неким связующим звеном между литературой Веймарской республики и нарождающейся новой литературой, возвращение этих писателей в послевоенное культурное пространство страны оказалось весьма непростым. Наряду с модернистским романом Г. Гессе «Игра в бисер» (*Das Glasperlenspiel*, 1943) первыми произведениями такого рода, вышедшими в Германии после войны стали «Доктор Фаустус» (*Doktor Faustus*, 1947)⁵ Т. Манна, в котором «старый фокусник, найдя в очередной раз новую романную форму, возвращается к традиционному стилю» [2, с. 239] и научно-фантастический роман австрийца Франца Верфеля «Звезда нерожденных» (*Stern der Ungeborenen*, 1949)⁶, «перекидывающий мост от старого утопического метафизического экспрессионистского романа к новым произведениям этого направления, прежде всего в Западной Германии, таким, например, как поздние романы Э. Ланггессер» [2, с. 239], роман А. Дёблина «Гамлет, или Долгая ночь подходит к концу» (*Hamlet oder Die lange Nacht nimmt ein Ende*, 1956) и др.

Любопытна судьба последнего романа. А. Дёблин закончил его в 1946 г. уже после возвращения в Западную Германию. Ни одно западно-немецкое издательство не захотело печатать произведение. Спустя десять лет, уже тяжело больного писателя навестили жившие в ГДР германист Ганс Майер, поэт Петер Хухель и др. и уговорили его издать книгу на востоке. Впервые (правда, с купюрами) она вышла

⁵ Книга вышла в издательстве «Зуркамп» и затем переиздавалась каждый год в разных западногерманских издательствах. В восточной части страны впервые была опубликована в Берлине в 1952 г.

⁶ Вышла в Австрии и Германии. В ГДР – лишь в 1989 г.

в 1956 г. в издательстве «Рюттен & Лёнинг» (*Rütten & Loening*), а затем перепечатывалась в известном журнале П. Хухеля «Зинн унд форм» (*Sinn und Form*) [3, с. 335]. Спустя год книга вышла и в мюнхенском издательстве «Ланген Мюллер» (*Langen Müller Verlag*), но писателя к тому времени уже не было в живых.

С большими трудностями пришлось столкнуться А. Дёблину и при издании исторической тетралогии «Ноябрь 1918. Немецкая революция» (*November 1918. Eine deutsche Revolution*), которая вышла отдельными книгами во фрайбургском (мюнхенском) издательстве «Карл Альбер» (*Karl Alber*, 1948 – 1950), не в последнюю очередь благодаря тому, что писатель исполнял должность офицера по культурной политике во Французской зоне оккупации. Книга прошла почти незамеченной, а ее автор был настолько потрясен равнодушием общественности, что назвал реакцию читателей и критиков «бойкотом молчания» [4, с. 786]. По всей видимости, это было вызвано тем, что актуальность поставленных в произведении проблем («откуда берется ужас войны, необъяснимость и позор многолетнего убийства, откуда в самом сердце бытия появляется экзистенция, которой нельзя не стыдиться, будучи человеком?») [5, с. 182], не могла в одночасье осознаться обществом, находившимся в состоянии шока от только что пережитой трагедии. В ГДР, где на повестке дня стояли задачи построения социализма по советскому образцу, историко-философский / теологический / экзистенциальный [6, с. 296] характер подобной прозы, отсутствие в ней прямого идеологического звучания, классового и антифашистского подхода к освещению событий, не вписывались в программы воспитания нового человека: его анти-герой, в котором личность до 1933 г. приносилась в жертву коллективизму [7, с. 137], теперь обрела черты индивидуальности. Не в последнюю очередь, как, в частности, отмечал Г. Майер, «молчание в лесу» (аллюзия на одноименный роман 1899 г. баварского писателя-почвенника Л. Гангхофера) на востоке страны в не лишенной черт сатанизма картине мира писателя могло быть вызвано его критической рефлексией по отношению к фигурам вождей пролетариата – Ленина и Либкнехта [8, с. 60].

О неоднозначной реакции на тетралогия еще до ее публикации стало известно благодаря дневниковым записям Б. Брехта. В 1943 г. на праздновании 65-летнего юбилея писателя в Лос-Анджелесе, где присутствовали немецкие интеллектуалы, в том числе и братья Манны, в исполнении артистов звучали отрывки из произведений А. Дёблина. В благодарственной речи юбиляр сообщил о своем обращении в католическую веру, высказался против нравственного релятивизма и за усиление религиозной морали, чем оскорбил чувства двухсот верующих и неверующих гостей, которые сочли этот поступок предательством прежней веры (иудаизма) и прежних взглядов писателя на религию, скорее воспринимавшихся как агностицизм [9, с. 401 – 402], не поняв всей сложности отношений А. Дёблина

с Богом, итог которым был подведен в «Гамлете» [10; 11, с. 37– 51; 12, с. 471 – 489]. Как и там, спрятавшись за личину главного героя, писатель рефлексивует в «Ноябре 1918» по поводу собственного пути к вере, пролежавшего не в пустыне, но в самой гуще временного потока, насыщенного событиями, активным участником и хронистом которых А. Дёблин был на протяжении всей жизни. И в этом отношении его тетралогия, по мнению Г. Майера, может рассматриваться как вершинное достижение немецкой литературы середины XX в. Бог Дёблина в этой социальной сатире ужасен, как непознанный Бог Блеза Паскаля, отмечает он. Беседы главного героя с искусителем были написаны раньше соответствующих эпизодов «Доктора Фаустуса» Манна, который в свою очередь не знал текста «Ноября 1918». Параллелизм, как полагает Майер, вероятно, вытекал из природы проблемы: скорбные думы о судьбах Германии.

Речь у Дёблина ни в коем случае не шла о пародии на «Фауста» Гёте, хотя аллюзии на трагедию (цитаты и проч.) очевидны. Любопытно, что в первой редакции четвертый том «Карл и Роза» имел подзаголовок «История между небесами и преисподней» (*Eine Geschichte zwischen Himmel und Hölle*), что служит прямой отсылкой к «Потерянному раю» Мильтона и «Смерти Валленштейна» Шиллера.

А. Дёблин замыслил написать «небесную и дьявольскую историю в одном», которая разыгрывается в сознании раненого героя под влиянием галлюцинаций: «Он должен пройти через “врата ужаса и отчаяния”. Он остается в живых. В итоге он сломлен и открыт Христу <...>. Небеса и преисподняя продолжают сражаться в нем. Он деградирует внешне, его нутро разъедает. Но ему даровано спасение» [13, с. 184].

Книга «Ноябрь 1918» была переиздана лишь в 1978 г. в ФРГ и в 1981 г. – в ГДР, когда в связи со 100-летним юбилеем писателя началась настоящая фаза признания этого произведения и на западе, и на востоке страны. Г. Майер не случайно назвал книгу о конце Первой мировой войны преддверием к осмыслению последствий Второй и предостережением для современных политиков от третьей: «Эта книга действительно появилась в нужное время. Книга для федерального канцлера, профсоюзных лидеров и предпринимателей, для Хардтхёэ⁷ и для Руди Дучке⁸. Но они не будут это читать» [8, с. 60].

Особенности эпической прозы А. Дёблина по достоинству (как это предвидел сам писатель⁹, правда, ему не суждено было об этом узнать при жизни) были оценены поколением писателей, определивших лицо западногерманской прозы второй половины XX в. М. Райх-Раницкий счел возможным сравнить стиль дёблинской прозы

⁷ Район Бонна, где располагалось Министерство обороны ФРГ.

⁸ Неомарксист, активный участник крайне левых движений в Западной Германии.

⁹ В 1938 г. он писал в одном из писем: «У меня учатся и еще будут учиться» [14, с. 222].

по силе его влияния на послевоенные эпические жанры с поэтикой модернистского текста Кафки, не уставая повторять, что Арно Шмидт, Уве Йонзон, Вольфганг Кёппен, Гюнтер Грасс учились у Дёблина [15, с. 41]. Признания такого рода можно найти и у самих упомянутых писателей: «Дёблин видит историю как абсурдный процесс [16, с. 5] <...>. Дёблин знал, что книга – это не только автор, что автор – лишь средство для достижения цели, которую преследует книга, и что автор должен иметь укрытия, которые он оставляет, чтобы обнародовать свой манифест, куда удаляется, чтобы спрятаться за книгой [16, с. 9]. <...> Он заставит Вас переживать, Вам будут сниться тяжелые сны, его произведения Вы будете проглатывать, но вкусно Вам не будет, переварить эту пищу невозможно, она не усваивается. Читателя он меняет полностью. Людей самоуверенных и самодовольных следует предостеречь от Дёблина» [16, с. 26]¹⁰.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрадкин, И. М. Литература первых послевоенных лет / И. М. Фрадкин // История литературы ФРГ. – М. : Наука, 1980. – С. 11–46.
2. Stern, G. Prolegomena zu einer Geschichte der deutschen Nachkriegsprosa / G. Stern // *Colloquia Germanica*. – Vol. 1 (1967). – P. 233–252.
3. Riley, A. W. Zum umstrittenen Schluß von Alfred Döblins «Hamlet oder Die lange Nacht nimmt ein Ende» / A. W. Riley // *Literaturwissenschaftliches Jahrbuch* / hrsg. von R. Büchner. – B.: Duncker & Humblot, 1974. – S. 331–338.
4. Kiesel, H. Nachwort / H. Kiesel // Döblin, A. November 1918. Eine deutsche Revolution. Erzählwerk in drei Teilen. Teil 3: Karl und Rosa. – Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch, 2013. – S. 779–787.
5. Döblin, A. November 1918. Eine deutsche Revolution. Erzählwerk. Bd. 4. Karl und Rosa / A. Döblin. – München, dtv, 1978. – 700 S.
6. Bance, A., Hofmann, K. Transcendence and the Historical Novel: A Discussion of November 1918 // Alfred Döblin. Paradigms of Modernism / hrsg. von S. Davies, E. Schonfield. – B.: Gruyter, 2009. – S. 296–321.
7. Delebar, W. Experimente mit dem modernen Erzählen. Skizzen zu den Rahmenbedingungen von Alfred Döblins Romanwerk bis 1933 / W. Delebar // *Realistisches Schreiben in der Weimarer Republik* / hrsg. von S. Kyora, S. Neuhaus. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006. – S. 123–138.
8. Mayer, H. Eine deutsche Revolution. Also keine / H. Mayer // *Der Spiegel*. – 1978. – N 33. – S. 60–61.
9. Mertes, K. Irreligiöse Gefühle / K. Mertes // *Stimmen der Zeit*. – 2021. – H. 6. – S. 401–402.
10. Weyembergh-Boussart, M. Alfred Döblin: seine Religiosität in Persönlichkeit und Werk / M. Weyembergh-Boussart. – Bonn : H. Bouvier, 1970. – 426 S.
11. Weissenberger, K. Alfred Döblin im Exil: Eine Entwicklung vom historischen Relativismus zum religiösen Bekenntnis / K. Weissenberger // *Colloquia Germanica*. – Vol. 8 (1974). – P. 37–51.

¹⁰ Цит. по: [17].

12. Hofmann, K. Revolution and Redemption: Alfred Döblin's «November 1918» / K. Hofmann // *The Modern Language Review*. – Vol. 103. – 2008. – N. 2. – P. 471 – 489.
13. Döblin, A. 'Epilog' (1948) A. Döblin // *Aufsätze zur Literatur* / hrsg. v. W. Muschg. – Ölten; Freiburg i.Br.: Walter, 1963. – S. 384–413.
14. Döblin, A. Briefe / hrsg. von W. Muschg. – Freiburg i, Br: Walter, 1970. – 685 S.
15. Reich-Ranicki, M. Herz, Arzt und Literatur. Zwei Aufsätze / M. Reich-Ranicki. – Zürich : Ammann Verlag, 1987. – 74 S.
16. Grass, G. Über meinen Lehrer Döblin und andere Vorträge / G. Grass. – B. : Literarisches Colloquium, 1968. – 77 S.
17. Рюденауер, Л. В стороне от Алекса (Александрплатца / пер. с нем. яз. И. Успенского // *Русский журнал*. 05.09.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://web.archive.org/web/20071005045857/http://www.russ.ru/culture/krug_chteniya/v_storone_ot_aleksa_aleksandrplatca. – Дата доступа: 10.02.2023.